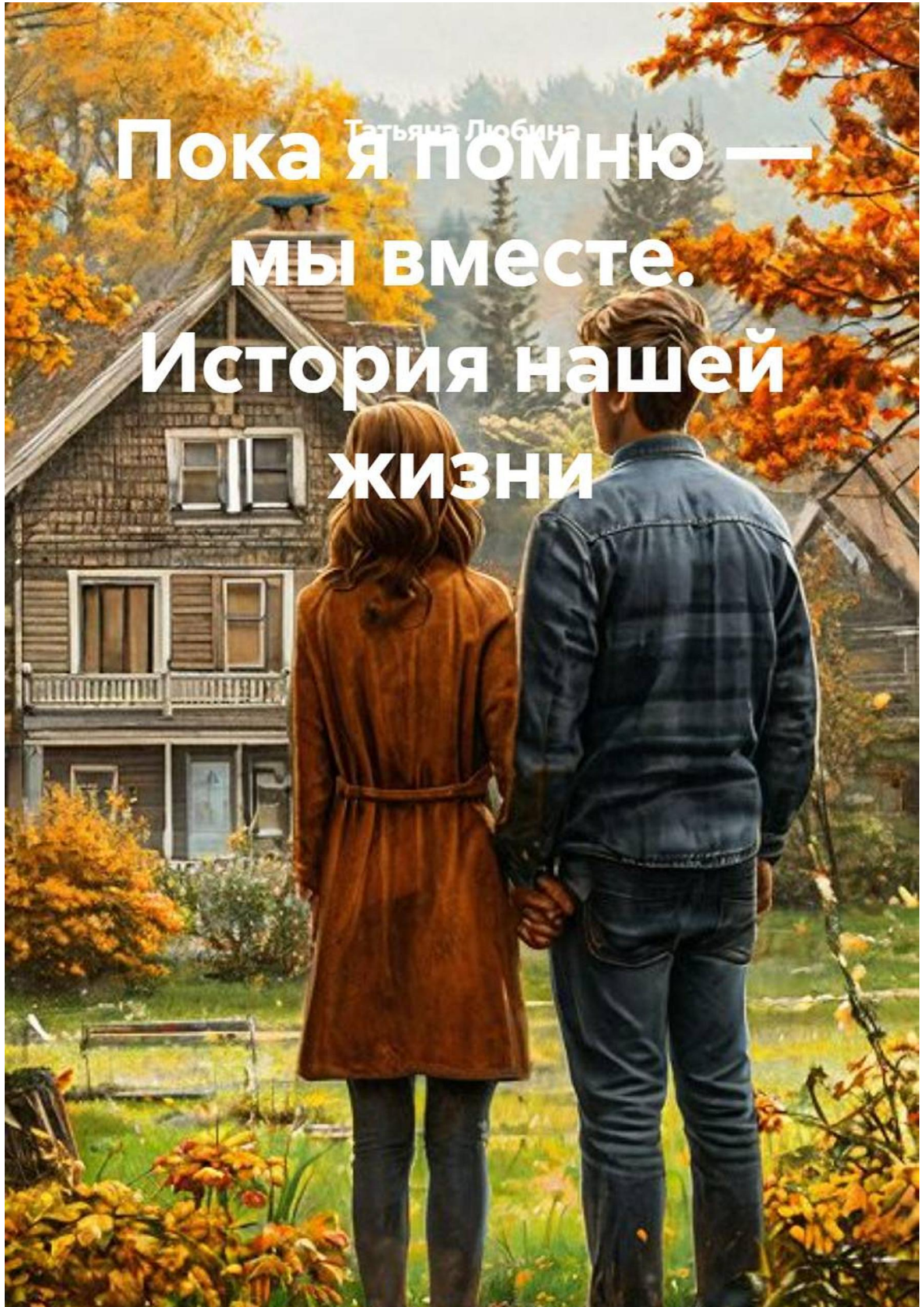

Татьяна Любина

Пока я помню — мы вместе. История нашей жизни

Татьяна Любина

**Пока я помню — мы вместе.
История нашей жизни**

«Автор»

2026

Любина Т. В.

Пока я помню — мы вместе. История нашей жизни /
Т. В. Любина — «Автор», 2026

«Пока я помню — мы вместе. История нашей жизни» — тёплая, искренняя история о семье, доме и силе памяти. Настя и Кирилл строят жизнь в маленьком городке: учатся быть родителями, находят своё место среди людей, которые всё знают и всё замечают, справляются с бедой и радуются простым вещам. Эта книга — посвящение мужу. О том, как любовь живёт в привычках, в заботе, в умении быть рядом. О том, что даже когда человек уходит, его тепло остаётся в каждом дне.

© Любина Т. В., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Любина
Пока я помню — мы вместе.
История нашей жизни

Глава 1

«Пока я помню — мы вместе. История нашей жизни».

Глава 1. «Одна на миллион»

«Как тишина может стать громче крика»

В маленьком городке рождение ребёнка всегда становилось событием — не громким, не праздничным, а своим, тихим и важным, будто город на пару дней чуть медленнее крутил свои привычные дела. Люди перешёптывались у подъездов, несли в роддом кто баночку варенья, кто вязаные носочки, а в воздухе витало это особенное чувство: сегодня кто-то стал мамой, и мир стал на одного человека больше.

Так и родилась Настя. В тот день даже дождь, который моросил с утра, к рассвету вдруг стих, и первые лучи легли мокрыми бликами на подоконники роддома. Акушерка, женщина с усталыми, но внимательными глазами, улыбнулась и тихо сказала: «Одна на миллион». Фраза прозвучала просто, почти буднично, но мама запомнила её навсегда. И потом, когда укладывала Настю спать, шептала ей эту фразу, как оберег.

Годы шли, городок жил своей размеренной жизнью, и Настя росла в этом ритме: бегала по лужам, прятала под подушку конфеты, спорила с соседским мальчишкой, кто быстрее добегит до угла. Она была обычной девочкой — и в то же время не такой, как все. Верила, что старый дуб у дома понимает, когда ей грустно, что, если очень сильно загадать желание на падающую звезду — оно обязательно сбудется. Чудо для неё пряталось не где-то далеко, а прямо тут, в скрипе половиц, в запахе свежего хлеба, в маминых руках.

И вот настал тот самый день, когда медкомиссия перед школой стала для маленького города ещё одним привычным делом. Очереди, белые халаты, короткие фразы врачей — всё шло по накатанной, будто по невидимому расписанию. Для Насти это тоже не казалось чем-то особенным: посидишь, постоишь смирно, пока тебе что-то капают. Она даже не волновалась. А мама привычно держала её за плечо, шептала: «Ну-ка, не моргай, сейчас быстренько».

А потом привычный мир вдруг перестал быть привычным.

Всё случилось в одну секунду — и эта секунда растянулась на долгие часы. Двенадцать часов Настя лежала неподвижно, и эта неподвижность пугала сильнее любого крика. В палату заходили люди в белых халатах, говорили короткими, рублеными фразами, звонили куда-то, звали ещё врачей. Город, который всегда жил размеренно, вдруг задышал быстрее, будто сам пытался удержать её здесь.

Собрался консилиум: профессора, важные имена, люди, привыкшие ставить точные диагнозы и не бросать слов на ветер. Они долго совещались в коридоре, где пахло больничным кофе и тревогой. А потом один из них подошёл к маме, посмотрел ей прямо в глаза и сказал тихо, но так, что эти слова ударили, как гром: «Держитесь, мамочка. Настя может не очнуться. Или очнётся, но прежней уже не будет».

Мама не заплакала. Она будто перестала дышать, чтобы не рассыпаться. Просто кивнула, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и осталась стоять у двери, как часовой.

А потом случилось то, во что никто не хотел верить, потому что в медицине чудес не бывает. Но Настя ведь с самого начала была не про правила. Она была про то, что случается один раз на миллион.

Она очнулась. Не рывком, не с криком, а просто медленно, будто возвращалась из очень далёкого места, где было тихо и спокойно. И первое, что она сказала, было самое обычное, самое домашнее:

— Мама...

И вот тут мама не выдержала. Она рухнула на край кровати, прижала Настю к себе так крепко, что, казалось, хотела впитать её всю, убедиться, что это не сон. По щекам текли слёзы,

горячие и солёные, и в них было всё сразу: страх, который наконец отпустил, и радость, которая не умещалась в груди, и бесконечная благодарность за то, что чудо всё-таки случилось.

После этого в городке о Насте стали говорить шёпотом, как о чём-то особенном. Кто-то верил в чудо, кто-то искал объяснение, кто-то просто вздыхал: «Ну надо же...» А Настя ничего этого не слышала. Она снова была обычной девочкой: бегала по двору, смеялась, спорила с подружками, собирала в кармашек камушки и фантики.

Только теперь в её вере в чудеса появился новый смысл. Раньше чудо казалось чем-то далёким, вроде падающей звезды или сказки на ночь. А теперь она знала: чудо — это когда ты открываешь глаза и видишь мамины слёзы, и понимаешь, что тебя очень-очень любят. И что даже когда всё кажется безнадёжным, жизнь умеет делать шаг назад и давать ещё один шанс.

Школа для Насти стала местом, где всё наконец-то снова дышало нормально. После тех двенадцати часов тишины мир будто стал ярче: скрип стульев, запах мела, даже шершавая поверхность парты — всё казалось каким-то особенно настоящим, будто она заново училась замечать детали.

Училась она на отлично, но не из упрямства и не ради похвалы. Просто ей нравилось, когда сложное вдруг становилось понятным. Когда учительница по математике, строгая, но справедливая, после урока наклонялась к ней и тихо говорила: «Ты не просто решаешь, ты видишь, как оно всё складывается. Это редкий дар». И Настя улыбалась, потому что слышать такое было приятно, как будто кто-то подтвердил: да, ты не зря стараешься.

Глава 2. «Герда, которая не притворялась»

«Когда сцена становится исповедью»

А по вторникам и четвергам после уроков она бежала в театральный кружок — и там становилась совсем другой. На сцене можно было быть кем угодно: смелой, дерзкой, грустной, смешной. Можно было кричать, если роль требовала, и никто не говорил: «Тише, люди спят». Можно было плакать настоящими слезами, и это не считалось слабостью.

Зал затих так, что слышно было, как где-то в дальнем ряду скрипнула половица. Настя стояла за кулисами, и сердце колотилось где-то у самого горла, будто хотело выпрыгнуть и убежать вперёд, на сцену, чтобы не пришлось ей самой делать этот первый шаг.

На ней было простое платье из грубой ткани — его специально сшили так, чтобы казалось, будто оно много раз чинено-перечинено, будто Герда шла через полмира и каждый лоскуток на нём — это память о пройденном пути. В руках она сжимала маленькую тряпичную куклу — её она придумала сама: не для зрителей, а для себя. Эта кукла была тем самым «тёплым кусочком дома», который она брала с собой в темноту сцены.

Режиссёр шепнул: «Пора». И Настя шагнула.

И в ту секунду, когда свет ударил по глазам, всё вдруг стало не про спектакль. Это стало про неё. Про те двенадцать часов тишины. Про мамины слёзы. Про то, как страшно бывает, когда мир замирает, и как отчаянно хочется просто услышать чей-то голос, который скажет: «Ты не одна».

— Кай! — крикнула она в темноту зала, и собственный голос прозвучал неожиданно твёрдо, будто не она его выпустила, а что-то внутри неё, сильное и упрямое, наконец-то заговорило. — Кай, я здесь! Ты слышишь меня?

Она шла по сцене, а в голове у неё крутилось не выученное по ролям, а своё, настоящее: «Я помню, как страшно, когда ничего не можешь сделать. Но я всё равно иду. Потому что, если я остановлюсь, станет ещё страшнее».

В зале кто-то всхлипнул. Кто-то, наверное, бабушка из первого ряда — она всегда приходила на все спектакли и вязала во время действия, но сейчас спицы замерли у неё на коленях. А Настя продолжала.

— Ты не можешь просто взять и забыть меня, — говорила она, и голос её дрожал, но не ломался. — Ты не можешь стать холодным. Потому что я помню, как ты смеялся. Я помню, как мы пускали кораблики по лужам. Если ты всё это забудешь, значит, я тоже стану никому не нужна. А я хочу быть нужной. Я хочу, чтобы кто-то ждал меня дома.

В этой фразе, в этом «я хочу, чтобы кто-то ждал меня дома», вдруг не осталось ничего от Герды из сказки. Это была сама Настя. Девочка, которая однажды очнулась и первым делом позвала маму. Девочка, для которой мамины слёзы были самым сильным доказательством: её любят, её ждут, ради неё стоит проснуться.

Она подошла к «льду», к этим прозрачным пластиковым плитам, которые изображали замёрзшее сердце Кая, и опустилась перед ними на колени. И прошептала уже совсем тихо, так, что, наверное, слышали только первые ряды:

— Я не уйду. Даже если ты меня прогонишь. Даже если скажешь, что тебе никто не нужен. Я всё равно посижу тут. Просто чтобы ты знал: я здесь.

Потом она прижала к груди ту самую тряпичную куклу, будто это было самое дорогое, что у неё есть, и прошептала:

— Держи. Это от меня. Пусть оно будет тёплым. Даже если тебе кажется, что всё замёрзло.

И вот тут лёд «растаял» — по задумке режиссёра, пластины медленно разъехались в стороны, и Кай, бледный, растерянный, но уже не ледяной, протянул к ней руки. И когда они

встретились посреди сцены, когда он обнял её, а она уткнулась ему в плечо, в зале кто-то громко, не стесняясь, заплакал.

А Настя, стоя в этих объятиях, вдруг почувствовала, как отпускает её тот старый, спрятанный глубоко внутри страх — тот, что жил в ней с тех самых двенадцати часов: страх, что можно исчезнуть, и никто не заметит. Здесь, на сцене, под светом софитов, среди чужих людей, она вдруг поняла: её видят. Её слышат. Её история отзывается в ком-то ещё.

Когда занавес закрылся, к ней подбежали ребята из труппы, обняли, закричали: «Ты была настоящей!» А она только улыбалась, не в силах ничего сказать, потому что слова куда-то пропали, остались только слёзы — не от горя, а от того, как сильно всё это было важно.

А после спектакля к Насте подошла та самая бабушка из первого ряда. Та, что вязала на каждом представлении. Она стояла теперь совсем близко, держала в руках клубок серой шерсти, который всё ещё чуть-чуть раскручивался, будто не хотел останавливаться, и смотрела на Настю так, словно видела в ней что-то очень знакомое.

— Ты знаешь, милая, — сказала она тихо, и голос у неё был мягкий, но в нём чувствовалась долгая, тяжёлая дорога, которую она уже прошла. — Я когда-то тоже кого-то ждала. Очень долго. Каждый вечер выходила к калитке, смотрела на дорогу и думала: вот сейчас он появится. И я не знала, вернётся ли. Но всё равно выходила. Потому что перестать ждать — это как будто сдать. А сдаваться я не хотела.

Настя слушала, не шевелясь, будто боялась спугнуть эти слова, будто они были такими хрупкими, что могли рассыпаться от любого лишнего движения.

— А он вернулся? — спросила она почти шёпотом.

Бабушка чуть улыбнулась, и в этой улыбке было столько лет, столько пережитого, столько выстраданного тепла, что казалось, будто от неё идёт тихий свет.

— Вернулся. Не таким, каким уходил. Жизнь его потрепала, и он уже не смеялся так легко, как раньше. Но он вернулся. И знаешь, что самое главное? Я его ждала не для того, чтобы он стал прежним. Я ждала, чтобы он знал: здесь есть дом. Здесь есть тот, кто не отвернётся. Вот это и есть самое большое чудо — не когда всё становится как раньше, а когда ты остаёшься рядом, даже если всё изменилось.

Настя смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то тихо встаёт на своё место. Как будто эта история была ей нужна именно сейчас — чтобы понять: она не одна такая, кто верит, что любовь и верность могут быть сильнее холода.

— Спасибо, — сказала Настя, и к горлу подступил комок. — Спасибо, что рассказали.

Бабушка кивнула, протянула ей этот клубок шерсти — он был тёплый, будто хранил в себе все те вечера, когда она сидела и ждала.

— Возьми. Если когда-нибудь станет холодно, просто держи его в руках. Помни: ждать — это тоже смелость. А ты сегодня показала всем, какая ты смелая.

Настя прижала клубок к себе, и ей вдруг показалось, что в нём слышно тихое, ровное биение сердца — как будто весь город, со всеми его маленькими историями, сейчас шепчет ей: «Ты всё делаешь правильно».

Потом, уже дома, когда они с сестрой сидели на кухне и пили остывший чай, сестра тихо спросила:

— Ты сегодня на сцене будто не сказку играла. Будто про себя рассказывала.

Настя посмотрела на неё, на эту старшую сестру, которая всегда всё раскладывала по полочкам и не верила в чудеса, и вдруг сказала честно:

— Да. Я рассказывала про то, как важно, чтобы тебя кто-то ждал. Даже когда тебе кажется, что ты уже никому не нужен.

Сестра помолчала, потом кивнула, будто что-то для себя решила, и тихо сказала:

— Знаешь, я всегда тебя жду. Даже если не говорю.

И Настя улыбнулась, потому что в этих словах было столько тепла, что его хватило бы, чтобы растопить не только театральный лёд, а самый настоящий, самый крепкий.

После спектакля всё в школе будто чуть-чуть сдвинулось. Раньше Настю знали как ту самую девочку, которая отлично учится и вечно торопится на репетиции. Кто-то улыбался ей в коридоре, кто-то здоровался мимоходом, а кто-то и вовсе почти не замечал — просто ещё одна девчонка в синем свитере.

А теперь на неё стали смотреть иначе. Не как на «ту, с которой когда-то случилось что-то страшное», а как на ту, у которой внутри есть что-то настоящее.

На следующий день в классе было непривычно тихо, когда Настя вошла. Не потому, что все замерли нарочно, а будто воздух сам стал чуть гуще, будто каждый хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать. И первой решилась Лена — девочка, которая обычно держалась особняком и почти ни с кем не разговаривала. Она подошла, неловко поправила лямку рюкзака и сказала:

— Ты вчера... ну, на сцене. Ты не притворялась. Я это почувствовала. У меня тоже так бывает: боишься, что, если скажешь, как тебе на самом деле плохо, тебя просто перестанут слушать. А ты не побоялась.

Настя тогда даже растерялась. Она привыкла, что после выступлений ей кричат: «Ты молодец!», хлопают по плечу, бегут дальше. А тут стояли и смотрели прямо, будто хотели разглядеть не костюм Герды, а её саму.

— Спасибо, — тихо ответила Настя, и в груди стало тепло, как будто кто-то осторожно положил туда ладонь. — Я и правда не притворялась. Просто... иногда слова сами выходят, если знаешь, что их кто-то готов услышать.

С того дня к ней стали тянуться. Не все сразу, не громко, а по-разному. Кто-то подсаживался на большой перемене и рассказывал, как дома всё наперекосяк, и не ждал, что Настя тут же всё исправит — просто хотел, чтобы его дослушали. Кто-то, наоборот, почти ничего не говорил, но оставлял на её парте маленькую записку: «Ты вчера была крутой». Или кусочек шоколадки, завёрнутый в бумажку с криво нарисованным солнцем.

Даже учительница по литературе, строгая и сдержанная, как-то задержала Настю после урока и сказала, глядя не в журнал, а прямо ей в глаза:

— У тебя редкий дар — не играть чувства, а пропускать их через себя. Это большая редкость. И большая смелость. Если когда-нибудь захочешь вести литературный кружок или ставить маленькие постановки с младшими классами — скажи. Думаю, им будет важно увидеть, что можно говорить о сложном без прикрас.

Настя кивнула, не сразу найдя слова, а потом тихо сказала:

— Я просто не хочу, чтобы кто-то думал, что ему нельзя грустить. Или что если он боится, то он слабый. Вчера на сцене я хотела сказать именно это.

Учительница чуть улыбнулась и кивнула:

— Тогда у тебя получилось.

Старшая сестра заметила перемены одной из первых. Как-то вечером, когда они вместе мыли посуду, она вдруг сказала, будто, между прочим, но голос её звучал непривычно мягко:

— Знаешь, в школе про тебя теперь говорят не «та девочка, которой повезло выжить», а «та, которая умеет быть настоящей». Мне кажется, это важнее.

Настя замерла с тарелкой в руках, а потом улыбнулась так, что даже щёки порозовели:

— А мне кажется, это не про меня одну. Просто я не стала прятать то, что у меня внутри. И оказалось, что другим от этого не страшно, а... спокойно. Как будто если кто-то не боится показать, что ему бывает тяжело, значит, и мне можно не стыдиться своих слёз.

Сестра хмыкнула, но в этом хмыканье не было ни насмешки, ни раздражения — только тихое признание:

— Ты умеешь делать так, что рядом с тобой не хочется притворяться. Даже мне.

И в этом «даже мне» было столько сестринской правды, что Настя вдруг почувствовала, как между ними протянулась ещё одна, совсем новая ниточка — не из обязанностей и не из «так положено», а из настоящего понимания.

А клубок серой шерсти, который подарила бабушка, Настя теперь всегда носила с собой — в рюкзаке, в кармане, иногда просто держала в руках на переменах, когда становилось шумно и хотелось тишины. И каждый раз, когда пальцы касались мягкой пряжи, она вспоминала слова бабушки: «Ждать — это тоже смелость». И понимала, что теперь она не только ждёт и верит — она ещё и помогает другим поверить, что их тоже могут услышать.

Глава 3. «Как просто быть рядом»

«Пирожки, труба и тишина, которая лечит»

Однажды на уроке, когда новенький мальчик, переехавший из большого города, сидел, сжавшись на задней парте и делая вид, что ему всё равно, Настя после звонка просто подошла к нему и тихо сказала:

— Здесь не все сразу становятся своими. Но если хочешь, я могу показать, где в столовой дают самые вкусные пирожки. Или просто посидим где-нибудь, где тихо. Тебе решать.

Он поднял на неё глаза, в которых ещё пряталась насторожённость, но уже пробивалось что-то похожее на надежду, и чуть кивнул:

— Давай про пирожки.

И Настя улыбнулась, потому что знала: иногда самое большое чудо — это не когда лёд тает от громкого крика, а когда кто-то просто садится рядом и говорит: «Я тут. И я тебя вижу».

С новеньким мальчиком, Артёмом, всё шло не сразу. Он приходил в класс, садился на заднюю парту, доставал тетрадь, ручку — и будто ставил вокруг себя невидимую стену: «Не трогайте, я тут просто сижу». Говорил коротко, по делу, а если кто-то пытался пошутить или позвать его с собой, смотрел так, будто не понимал, зачем вообще нужны эти разговоры.

Настя не стала его «раскачивать» вопросами. Она помнила, как самой бывает тяжело, когда на тебя смотрят слишком пристально, будто ждут, что ты вот-вот развалишься от одного лишнего слова. Поэтому она выбрала самое простое: быть рядом, но без напора.

Сначала это были пирожки. Как и обещала. В школьной столовой тётя Валя знала Настю в лицо и всегда оставляла ей пару горячих, с вишней или картошкой. В тот день Настя взяла три. Подошла к Артёму, поставила один перед ним и сказала спокойно:

— Тут хорошие. Если не хочешь — не ешь. Но если вдруг проголодался...

Артём посмотрел на пирожок, потом на Настю, будто пытался понять, в чём подвох. Потом тихо буркнул:

— Спасибо.

И взял.

Это было маленькое, почти незаметное движение, но для Насти оно значило много. Не «я тебя спас», а «я вижу, что ты здесь, и мне не всё равно».

Потом они стали вместе ходить по коридорам между уроками. Не потому что договорились, а потому что их пути совпадали: её театральный кружок был в дальнем крыле, а он ходил туда же на продлёнку. Сначала шли молча. Настя не пыталась заполнить тишину словами. Иногда она просто рассказывала что-то в пространство, не глядя на него:

— Знаешь, тут есть одно место. За спортзалом, где труба торчит и на ней краска облупилась. Я туда иногда прихожу, когда надо просто посидеть и послушать, как ветер шумит. Там никто не ходит.

Артём кивал, будто запоминал.

А однажды, когда в коридоре было особенно шумно, и кто-то толкнул его плечом, и все вокруг засмеялись, он вдруг остановился, сжал кулаки, и Настя увидела, как ему хочется провалиться сквозь землю. Она не стала говорить «не обращай внимания» — это всегда звучит так, будто твои чувства ничего не стоят. Вместо этого она просто встала рядом, плечом к плечу, и сказала ровно:

— Если хочешь, мы можем пойти туда, где тихо. К той трубе. Или просто выйдем на улицу, подышим. Что тебе сейчас ближе?

Он помолчал, потом выдохнул, будто из него разом вышел весь воздух, и тихо сказал:

— Давай к трубе.

Они сели на старый ящик, который кто-то давно туда притащил. Ветер трепал листья, и где-то далеко лаяла собака. Артём смотрел на облупившуюся краску, водил по ней пальцем, будто хотел стереть, и вдруг, ни на кого не глядя, сказал:

— В большом городе у меня был свой двор. Свой подъезд. Свой ребята. А тут я чужой. И каждый раз, когда на меня смотрят, мне кажется, что они уже всё про меня решили: «новенький», «странный», «не наш».

Настя кивнула. Она не стала говорить: «Ты быстро привыкнешь» или «Они просто не знают тебя». Вместо этого она сказала:

— Это правда тяжело. Когда ты вроде бы ничего не сделал, а на тебе уже висит ярлык. Я однажды тоже чувствовала себя так, будто меня не видят, а видят только историю, которая со мной случилась. И от этого хотелось спрятаться.

Артём поднял на неё глаза, будто впервые по-настоящему её рассмотрел:

— А как ты не спряталась?

Настя улыбнулась, достала из кармана тот самый клубок серой шерсти, покрутила его в пальцах, чувствуя, как пряжа мягко ложится в ладонь.

— Я нашла одно дело, где можно быть настоящей. Театр. Там не надо притворяться, что тебе не страшно. Там даже хорошо, если страшно: значит, ты живой. Хочешь, я покажу? У нас скоро репетиция. Можешь просто постоять в стороне, посмотреть. Никто не будет тебя заставлять что-то делать.

Он снова помолчал, будто взвешивал каждое слово, а потом чуть пожал плечами:

— Ладно. Просто посмотрю.

Глава 4. «Тот самый камешек»

«Одна фраза, которая делает тебя видимым»

На репетиции Артём держался у самой стены, будто хотел слиться с ней. Ребята бегали, смеялись, выкрикивали реплики, и он смотрел на это, как на что-то непонятное, будто попал в другой мир. Но постепенно напряжение стало уходить. Он заметил, как Настя не старается быть самой лучшей, а просто делает своё дело: спотыкается, поправляет слова, просит режиссёра повторить сцену ещё раз. И в этом было что-то честное.

В какой-то момент режиссёр, уставший и весёлый одновременно, махнул рукой:

— Так, мне нужен кто-то на маленькую роль. Буквально выйти, сказать одну фразу: «Снег пошёл». Кто хочет?

Все засмеялись, замахали руками: «Я не готов!», «Пусть Настя!», «Давайте лучше куклу выставим!». А Настя посмотрела на Артёма и чуть кивнула в сторону сцены: мол, если хочешь, можешь попробовать.

Он замер, будто его спросили, не может ли он перепрыгнуть через крышу. Потом медленно, будто сам себе не веря, вышел на середину. Встал, сглотнул, посмотрел в зал, где не было никого, только пустые стулья, и тихо, но чётко сказал:

— Снег пошёл.

И тут случилось что-то удивительное. Не аплодисменты, не крики «браво», а тишина, в которой было уважение. Будто все поняли: этот мальчик только что сделал шаг, который ему было страшно сделать.

Режиссёр улыбнулся и сказал просто:

— Хорошо. Очень хорошо. Ты дал нам начало сцены. Спасибо.

Когда они шли домой, Артём вдруг сказал:

— Там, на сцене, было странно. Но не так страшно, как я думал. Как будто если ты говоришь одну фразу, и её слышат, то ты уже не совсем один.

Настя улыбнулась:

— Именно. Иногда хватает одной фразы, чтобы тебя заметили. Не как «новенького», а как человека, у которого есть свой голос.

Он кивнул, и в этом кивке было столько облегчения, что Насте захотелось просто идти рядом и молчать, чтобы не спугнуть этот хрупкий момент.

А потом, уже у подъезда, он остановился, посмотрел на неё и сказал:

— Ты не такая, как все. Ты не ждёшь, что я буду весёлым. Ты просто... принимаешь, что мне бывает тяжело.

Настя пожала плечами, но внутри у неё всё потеплело:

— Потому что это нормально. Тяжело бывает всем. Главное, чтобы был кто-то, кто не скажет: «Да ладно, забудь», а просто посидит рядом.

И тогда Артём достал из кармана маленький предмет, который всё это время крутил в руке, — это был гладкий камешек, серый, с тонкой белой прожилкой. Протянул его Насте:

— Возьми. Я его нашёл сегодня у спортзала. Он вроде ничего особенного, но... пусть будет. Как знак, что я помню про трубу. И про пирожки. И про то, что ты меня не прогнала.

Настя взяла камешек, сжала в ладони, чувствуя его прохладу, и улыбнулась:

— Буду хранить. И если когда-нибудь тебе снова станет тяжело, ты знаешь, где меня искать. У трубы. Или в театре. Или просто в коридоре. Я буду там.

Глава 5. «Класс, который научился слышать»

«От “не трогай” до “я тут, посидим, где-нибудь тихо”»

С того дня, как Артём сказал на сцене своё тихое «Снег пошёл», в классе будто чуть-чуть сдвинулась невидимая дверца. Не сразу, не с грохотом, а так, как бывает, когда кто-то осторожно приоткрывает окно, и в душную комнату наконец заходит свежий воздух.

Сначала перемены шли как обычно: ребята носились по коридору, кричали, спорили, кто быстрее добегит до столовой. Артём по привычке держался в стороне, но теперь это уже не выглядело как стена. Скорее, как «я пока посижу тут, посмотрю». И ребята стали замечать его не как «того новенького», а как человека, у которого есть своё место.

Однажды после урока труда весь класс должен был дежурить: подмести мастерскую, расставить станки, протереть пыль с полок, где лежали деревянные заготовки. Настя не подходила к Артёму специально — просто так вышло, что они оказались рядом у шкафа с инструментами. Она молча протянула ему щётку, а себе взяла совок.

— Тут пыли столько, будто сто лет не убирались, — буркнул он, но в голосе уже не было той колючей настороженности, что раньше.

Настя хмыкнула:

— Зато если хорошенько подмести, можно найти что-нибудь интересное. В прошлом году тут кто-то потерял значок с динозавром. До сих пор ищут.

Артём фыркнул, и это было почти как смех.

Они работали молча, но это молчание уже не давило. Время от времени Настя что-то тихо комментировала:

— Вот тут особенно много опилок. Наверное, кто-то пилил что-то важное.

— Наверное, — соглашался Артём.

А потом к ним подошёл Димка, главный в классе по части «всё починить и всё найти». Он посмотрел на них, прищурился, будто оценивал, можно ли доверять, и вдруг протянул Артёму маленькую железную детальку, блестящую, с зазубринами по краям.

— Это я нашёл. Не знаю, от чего. Но если хочешь, можешь пока у себя подержать. Вдруг пригодится.

Артём взял детальку, повертел в пальцах, будто она была не железкой, а чем-то очень ценным.

— Спасибо, — сказал он просто.

И в этом «спасибо» было столько, что Настя чуть не улыбнулась во весь рот, но сдержалась: знала, что сейчас нельзя слишком радоваться, чтобы не спугнуть этот хрупкий момент.

Тем временем в театральном кружке вовсю шла подготовка к новой постановке. На этот раз выбрали не сказку, а маленькую пьесу про школьный двор, про ожидание, про то, как трудно бывает сказать самое главное слово. Режиссёр долго думал, кого на что поставить, и однажды, задержав Настю после репетиции, сказал:

— У меня к тебе просьба. Ты ведь с Артёмом общаешься? Он вроде парень тихий, но в нём есть что-то... настоящее. Я хочу дать ему роль. Не главную, но важную. Там есть мальчик, который всё время стоит у окна и смотрит на улицу. Он почти ничего не говорит, но, когда говорит — все замолкают. Сможешь его подготовить? Не давить, не тянуть за руку, а просто помочь почувствовать, что это его история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.